

Р
О
В
-
Р
О
В
-
Р
О
В
-
Р
О
В
-
Р
О
В
-
Р
О
В

РОВ

ШАЛЕВ
ВЛАДИМИР

16+

Р
О
В
-
Р
О
В
-
Р
О
В
-
Р
О
В

Владимир Олегович Шалев

Ров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66551186

SelfPub; 2021

Аннотация

Данные рассказы – это лишь очерк минувшей эпохи. Они созданы мной из увиденного, услышанного и прочитанного, из всего того: что я ещё с ранних лет узнавал о войне, что впоследствии было реализовано и собранно в данном сборнике. Эти рассказы подобны обрывкам памяти пациента с деменцией. Они, так же, как и редкие воспоминания пациента, передают состояния людей тех лет. Но от воспоминаний они отличаются тем, что всего того, о чём я пишу, я не проживал, и это лишь мой большой домысел. Без претензии на что-либо, но и без утверждения об откровенной фантазии.

Содержание

«К ЧИТАТЕЛЮ ОТ СОЧИНТЕЛЯ»	4
I	8
Часть первая.	8
Часть вторая.	11
Сводка.	15
II	16
Часть первая.	16
Часть вторая.	20
Часть третья.	24
Сводка.	28
III	29
Часть первая.	29
Часть вторая.	36
IV	45
Часть первая.	45
Часть вторая.	50
Сводка.	54
V	55
Часть первая.	55
Часть вторая.	59
Сводка.	68

Владимир Шалев

Ров

«К ЧИТАТЕЛЮ ОТ СОЧИНТЕЛЯ»

«Кто бы ты ни был, мой читатель, на каком бы месте ни стоял, в каком бы звании ни находился, почтён ли ты высшим чином или человек простого сословия, но если тебя вразумил Бог грамоте и попалась уже тебе в руки моя книга, я прошу тебя помочь мне». Н. Гоголь.

Присоединюсь к словам Николая Васильевича и прошу вас помочь мне. Данное издание будет выпущено в ограниченном количестве и, если оно оказалось у вас, то имейте в виду, что на нашей планете есть ещё горстка человек, имеющих доступ к этому тексту. Можно назвать это издание, с вашего позволения, лимитированным.

Казалось бы, как вы, читатель, живущий от Омска до Ярославля, от Оттавы до Назарета, сможете мне помочь. А помощь ваша может заключаться в двух простых действиях.

Первое – это высказать автору любым удобным для вас способом все замечания и придирки, а также ваши пожелания и мысли, связанные с изученным произведением. В свя-

зи с чем прошу вас, если во время прочтения вас будут цеплять разные выражения, или же после, вас будут наступать определённые мысли, то, по вашему желанию, напишите мне и расскажите обо всём, что посчитаете нужным.

Второе – более затруднительное. Имея на руках данную материальную книгу, расскажите о ней вашим друзьям и коллегам, товарищам и даже врагам. Расскажите об авторе, то есть обо мне, пару предложений, ведь вы, мой читатель, знаете меня намного лучше, чем обыкновенный покупатель в магазине. И если вам удастся заинтересовать вашего собеседника, то без капли жалости отдавайте ему это произведение, ведь таким образом вы окажете мне добрую услугу.

Выполнив хотя бы одно из этих действий, вы внесёте свой вклад в этот текст и в будущие моих произведения. А если вы, мой читатель, получили эту книгу от другого человека, то продолжайте эту технологию и становитесь в ряды тех, кто близко соприкасается с литературой.

« — Во всех этих вещах есть большая доля авторского домысла, фантазии, а иначе не было бы никакой ценности. Видел своими глазами, взял да зарифмовал, понимаете, никакого достоинства в этом, в общем, нет. <...> Пишу я о войне так много не потому, что это – песни ретроспекции; вы знаете, нечего вспоминать, потому что я это не прошёл. Мы все воспитаны на военном материале, у меня военная семья, есть погибшие, как, в прочем, и у каждого человека

у нас. <...> И это будет помниться всегда, и пока ещё есть люди, которые занимаются писанием и могут сочинять, конечно, они будут писать о войне. Но я пишу о войне песни, конечно, не ретроспекции, а ассоциации; если вы в них вслушаетесь, то увидите, что их можно сегодня петь. Что люди из тех времён, ситуация из тех времён, а, в общем, — идея и проблема наша нынешняя. А я обращаюсь в те времена просто потому, что интересно брать людей, которые находятся в самой крайней ситуации, которые находятся в момент риска, в следующую секунду могут заглянуть в лицо смерти, я таких людей в таких ситуациях нахожу чаще в тех временах. Вот поэтому я пишу много о войне».

Владимир Высоцкий.

«Данные рассказы – это лишь очерк минувшей эпохи. Они созданы мной из увиденного, услышанного и прочитанного, из всего того: что я ещё с ранних лет узнавал о войне, что впоследствии было реализовано и собранно в данном сборнике. Эти рассказы подобны обрывкам памяти пациента с деменцией. Они, так же, как и редкие воспоминания пациента, передают состояния людей тех лет. Но от воспоминаний они отличаются тем, что всего того, о чём я пишу, я не проживал, и это лишь мой большой домысел. Без претензии на что-либо, но и без утверждения об откровенной фантазии».

Владимир Шалев.

I

Часть первая.

Было то утро, когда не надо ни куда идти. Июнь подходил к концу. В окно светили нежные лучи, небо было голубым. Леанор, как и всегда, скорее всего, была на работе. Находясь в своей постели, я ощущал покой и радость. Всё-таки как прекрасно просто лежать! Всё предвещало, что день я проведу созерцая и ничего не делая. И от этого переживания на моем лице появлялась легкая улыбка. За окном просигналила машина, и это ещё больше подстегнуло мои ощущения. Ведь жизнь, слышимая и видимая за белёсыми шторами, за маленьким балкончиком второго этажа, за прочной кирпичной кладкой стены, пела, подобно соловью, и переливалась, как хвост павлина. Все люди куда-то бежали, торопились, с периодичной регулярностью проезжали брющащие машины, мужские баритоны и женские сопрано сновали со всех сторон. Картина меня лежащего никак не сочеталась с происходящим на улице. И я этим наслаждался.

Кровать, придвинутая к стене, рядом тумба, на тумбе лампа, под лампой скатерть. Это – в принципе все, что составляло мою спальню. Белой кружевной скатерти исполнялось семьдесят два года, ровно столько, сколько вскоре исполнит-

ся моей бабушке Гордане, живущей в противоположном конце города.

Её отец, Фридрих Михаило, подарил эту скатерть матери Горданы в день её родов. А уже позже, долгими обходными путями, в один из праздников эта скатерть попала ко мне.

Но не ценный подарок привлёк моё внимание. Я забыл упомянуть, что перед лампой стояли часы. И время, указанное на них, исключало меня из сладкой неги. Стрелки, указывающие на одиннадцать часов ноль две минуты, как выстрел из браунинга, открыли в моей голове занавеску с воспоминанием. Ещё вчера я лично заручился с Эрни, что схожу с ним выпить чашечку кофе. Эрнст был моим хорошим товарищем, работавшим врачом в одном из госпиталей. Помнится, как в первую встречу я, очутившийся в палате по какой-то незначительной причине, приговорил с Эрни бутылку вермута. Важно упомянуть, что в тот удивительный день Эрни тоже был пациентом. С этого и началась наша дружба. Но, вследствие последнего времени, нам не доводилось видеться долго, и вот, буквально вчера, мы пересеклись у соседнего дома. Только завязался диалог и в уме начало крутиться множество тем для обсуждения, как в парикмахерской напротив завопила кукушка настенных часов. Вспомнив о работе, я простился с ним, но договорился встретиться сегодня в кафе «Деликатесы Морица Шиллера». Время встречи было запланировано на половину двенадцатого, поэтому я с трудом начал выбираться из-под тёплого

одеяла.

Так как ни Эрни, ни Морец Шиллер, ни его деликатесы не обладали терпением, уже спустя десять минут я был на улице.

Часть вторая.

Время позволяло дойти до места встречи не спеша – я жил поблизости. Сараевское лето, да ещё и вместе с ясным утром, создавало прекрасный эффект. Дышалось свежо, но уже не по-утреннему. Утро заканчивалось, и город переходил в фазу дня. Небольшие трёх-четырёх этажные домики с жухлой красной черепицей были выстроены в ряд. Окна у них были отворены, и из них лились звуки. Прохожие сновали по дорожному полотну, проезжали экипажи и автомобили. Люди дышали, кони фыркали, машины пытели. Сараево жил своей жизнью.

На моменте, когда я проходил почти самое начало главной улицы, названной в честь Франца Иосифа, я обратил внимание на листовку под подошвой туфель. Как это в обыденности и происходит, когда я прошел её, моё сознание смогло зацепиться лишь за заголовок, напечатанный яркими буквами. «Млада Босна» – гласил этот подножный текст. Знания мои исчерпывали себя только на том, что, как мне помнилось, это была сербская революционная организация. Сразу всплыл отрывок фразы моего юного племянника, прозвучавший однажды на очередном семейном споре.

– Да чтоб эти Австрийцы провалились! Хоть в Младу Босну иди. – Он был молод, и, как это бывает в юности, вспылыв.

Меня вывел из воспоминаний взлёт птиц, напуганных охотящейся кошкой на крыше нужного мне дома. Войдя в здание, я заказал два кофе. Усевшись за столик у окна с видом на набережную, я осмотрелся. До обеда людей здесь почти не было. Только две девушки, бариста, и парень, жуящий сэндвич в дальнем углу. Ещё до того, как бариста принёс кофе, я позвал его и попросил добавить в одну кружку коньяк. Девушки скромно захихикали. Я рассчитывал на то, что Эрни придёт с минуты на минуту, так как он был очень пунктуален. Но его всё не было, и я погрузился в панораму за окном, подбадривая процесс только что принесённым кофе с коньяком.

Здание с известной надписью про деликатесы, относилось как раз к роду зданий, стоящих на перекрёстке. Но, в отличие от многих подобных, оно было остроугольным, не срезанным в форму шестигранника. Вид из его окон был изумительный и открывался на набережную реки Миляцки с пересекающим её Латинским мостом. Стенки набережной были укреплены камнем, вдоль реки тянулись трамвайные рельсы. Трамвай был электрооборудованным, что было тогда редкостью, и обходился без лошади. Прокладкой трамвайных путей занималась Австро-Венгерская Империя, чтобы позже использовать наработки в Вене. Ещё двадцать девять лет назад трамвай, запряжённый белой лошадью, был чудом, а сейчас, казалось бы магическим образом освобождённый от лошади, он не вызывал у меня удивления. Хотя, как я думаю,

восхититься было чем: в скором будущем должны будут проложить ещё одну ветку рельс, уже третью в городе.

Только я начал беспокоиться, что за нелёгкая приключилась с Эрни, как вдруг из-за угла здания появился кортеж. Ряд чёрных машин, подобных старинным каретам остановился на повороте. На улице начались какие-то перекрикивания, и в итоге две машины начали разворачиваться в этом весьма узком переулке. Они были подобны низко посаженному экипажу без кучера с удлинённым капотом и белыми шинами. Второе авто выделялось тем, что на обеих подножках симметрично стояли двое мужчин. И только приглядевшись, я узнал в сидящем мужчине Австро-Венгерского эрцгерцога Франца Фердинанда. А на ближнем ко мне месте, закрытая силуэтом мужа, сидела София, жена эрцгерцога. Волнение поднялось во мне, сразу по не понятной причине подумалось, что Эрнсту как-то помешал этот кортеж. Все взоры устремились на улицу. Молодой парень, на вид лет двадцати, подбежал к окну и всматривался в кортеж. Выглядел он, как простой представитель сараевской молодёжи. Только вёл себя как-то странно, насупив брови и слегка сторбившись, он смотрел на машины.

Придя в себя после общего замешательства, я попытался выйти, но этот юноша обогнал меня. Мы с ним почти пересеклись, но он ускорил шаг и грубо преградил мне путь, устремляясь к машинам. Я стоял в дверном проёме и ничего не мог поделать. Между нами было едва ли три метра и це-

льный момент истории человечества. Вынув пистолет, он произвёл на свет две пули. Одна ушла в область шеи Франца, другая в деревянную дверь заслоняющую Софию.

Сводка.

Гражданин Королевства Сербия Гаврило Принцип умер 29 апреля 1918 года в тюрьме от туберкулёза.

Из-за совершенного убийства Австро-Венгрия выдвинула ультиматум Сербии. Сербия оспорила его, а затем австрийцы объявили ей войну. Франция и Англия поддержали сербов, а Германия выступила за Австро-Венгрию. А позже и весь мир вступил в войну.

II

Часть первая.

«...и это всё, что у нас здесь происходит. Может и коротко, но всего в двух предложениях заключён весь мой быт. Конечно, можно это описать красочней и ярче, но это уже будет неправда. Правда же сера как земля, и скучна, как, только что пробежавшая крыса. Скучаю и люблю, Дил».

Я положил письмо обратно на кровать. Диллан Зиллерт, человек, с которым я вырос в одном городе, провёл детство и отрочество. Позже они семьёй уехали в Дрезден. Не знаю, как и почему, я даже не успел вдаваться в подробности. Дил встретился со мной в булочной, сказал, что уезжает и исчез. На тот момент, в свои семнадцать, я затаил сильную обиду. Сердце мне ранил даже не факт уезда, а то, как он мне это преподнёс. Даже сейчас, спустя семь лет, ворошить это неприятно.

Но всё-таки судьба распорядилась так, что сейчас я сижу на его койке и читаю письмо, написанное тем самым человеком из осколков прошлой жизни. Когда мы встретились, радость была непомерна, Дила распределили в мой полк по непонятной причине. Живя в Дрездене, он относился к Сак-

сонскому корпусу. А попал не просто в Вюртембергский, а к тому же в четвёртый стрелковый. Теперь наши отношения с ним менее дружественные, у нас есть общее почти забытое прошлое, а наше с ним настоящее пишется сейчас. И это настоящее не очень приятно. Пропало братство, а может, его и не было. Сейчас тяжело об этом судить.

Серые брёвна вокруг меня своим замшелым и грязным видом составляют стены. Запах плесени и мокрого дерева заполняет пространство блиндажа. Скорее всего, запах схож с погребным. Но в погребе он говорит о безопасности. Складируемые на полки мешки с картошкой, ящики моркови, и, конечно, закатанные соленья символизируют достаток. А достаток приводит к мыслям о стабильности и безмятежном спокойствии.

Здесь же этот запах символизирует несчастных крыс, измокших, до предела тощих, бессмысленно живых, но при этом, цепляющихся за жизнь до последнего. И таких же солдат, находящихся с этими крысами по одну сторону окопов.

Но все же блиндаж и погреб похожи. Они оба внушают безопасность, только у одного эта безопасность – мнимая и фальшивая. Ведь всего лишь один везучий снаряд, и весь блиндаж обернётся холмом из обломков и заживо погребённых людей.

Примерно четыре минуты, как продолжается обстрел. Я проверил коробку подаренных сигар на дне моего мешка. Отличные сигары: три штуки, привезённые откуда-то из-за

океана. Мне стало спокойнее, когда я нащупал их. Я нахожусь на последней линии окопов. Конечно, до меня не достанет, совсем не достанет. Но то, что я сбился со счёта из-за рухнувшего столика, не вкладывает в моё сознание веры в хороший исход. А ведь опять хотел посчитать время обстрела. Может, и не сосчитать до конца, но просто считать, пока не усну. Это был мой метод сохранять толику рассудка и не пускать доводящих до сумасшествия мыслей. Кто-то молится, кто-то, зажавшись, шепчет в колени, а я считаю.

Считал, пока не свалился этот чертов стол. То ли из-за непрерывной тряски, то ли из-за чего-то другого треснул проржавевший гвоздь. Я, испытывая отвращение, взял ножку, воткнул её в грязь между лаг пола и просто поставил стол на неё. Обстрел слишком деморализует и выбивает любое желание, в том числе и желание чинить стол.

Но это присуще не всем: многие начинают судорожно переминаться с места на место, а новобранцы так вообще выбегают наверх. Ещё позавчера, вовремя очередного обстрела один такой вылетел из блиндажа. Марк или Ганс его звали, не помню. Никто его не остановил – себе дороже. У парня был сильный панический приступ, смешанный с клаустрофобией. Как вылетел, так и залетел обратно. Печальный везунчик. Его смело осколками от снаряда прямо у входа. А ведь это было здесь, далеко от первой линии и нейтральной полосы. Минутой позже – и остался бы жив. А может, остался бы жив только для того, чтобы умереть погребённым в

блиндаже. Надо начать считать.

Когда он слетел вниз по лестнице, я сидел в той же позе. Пока до меня доходило, как он оказался у моих ног, Тимми стащил его ближе к центру. На весь блиндаж стоял безудержный вой. У парня из багрового живота торчал кусок металла. Его почти разрезало надвое. Тимми, стоя перед ним на коленях, растерянно водил глазами по сторонам. К нему подошёл Райнс, унтер-офицер, от которого я не слышал ни слова, зато о нём слышал многое. Он достал пистолет, приложил к сердцу и выстрелил. Остался один звон. Никто ничего не сказал.

Сейчас нас было меньше, и звона в ушах не было. Тимми вчера пропал: ни вещей, ничего. Он отличался склонностью к философии. Вечерами он заговаривал о неприятном. Мысли у всех были схожи, но только не все имели храбрость или глупость их озвучивать. Дила тоже не было, он не добрался сюда до начала обстрела. Возможно, он уже мёртв.

Сон мало чем отличался от реальности, всё перепутано. Сейчас я вроде бы бодрствую, мыслю. Но мгновение – и мысли уносят мозг в другое пространство. Мы называем это снами. Сны здесь, в Бельгии, такие же, как и в Германии. Но всё равно хочется видеть их дома.

Часть вторая.

Тоннель из грязи. Начинало смеркаться. Из свинцовых туч шла леденящая морось. Нас отправили раскладывать колючую проволоку над новой линией окопов. Это наша позиция, на которой, как мне кажется, мы закрепимся очень надолго. Некоторые из тех, что копали, уже успели поставить ставки.

Ботинки хлюпают по липкой массе. Ноги нещадно месят мёртвую грязь, а солдаты не обращают на это внимания. Свежевырытый окоп ничем не отличается от других, старых. Только запах и незатвердевшая почва говорят о его новизне. К запаху привычной трупной гнили добавляется примесь терпкой, измокшей земли. Где-то сверху, на стороне французов, лежит труп. Скорее всего, это были лошади, убитые позавчерашним обстрелом. Или подстреленные каким-нибудь снайпером-горемыкой, не попавшим в цель. Ведь конский крик слышен всем, в независимости от мыслей в голове, языка и страны, за которую воюешь.

Уже два дня не было огненного грома. Хочется верить, что это из-за наступающего Рождества, но это – слишком абсурдная идея. Здесь война. В окопах, где мы идём, многие тихо поют рождественские песни, а в некоторых местах даже выставляют небольшие ёлки на уровень земли. Не думаю, что те, кто их ставят, будут живы после праздника. Наше

Рождество будет заключено в одном из многочисленных видов страха – страха умереть от пули при разматывании проволоки.

Этот отрезок находится в стороне от основной линии – боится нечего. Сейчас мы, поднявшись на брёвнах, выскочим наверх. Там будет мгла и страх. Конечно, враги уже давно знают про наши передвижения. Конечно, они только и ждут того, что кучка мелких солдат появится и сразу же окажется в трубке прицела. Мы вылезем, сцепимся руками с липкой землёй. Прижмём к ней своё тело, оботрём его и будем на поверхности. Оттолкнёмся, залезем, и вмиг будем пронизаны достаточным количеством железа. Достаточным, чтобы слететь обратно под землю, чтобы, извиваясь в конвульсиях, заливать каждый блиндаж безудержным и безумным криком, подобно оторванному уху от плюшевого зайца. Нас так же, как и ухо, пронзят десятком дырок. Только в дырках не окажется ниток. В них ничего не будет. Интересно, что убиты мы будем таким же гипотетическим ухом, которое просто ещё не оторвано. Оно совсем не отличается от нас: две руки, одно сердце, один мозг, те же мысли. Можно возразить, что языки различны, но и у них один источник. Хотя, если кто-то захочет возразить, то он всегда возразит.

Если я и дальше так буду мыслить, то тут недалеко до дезертирства. Но ведь ни я, ни солдат, который меня убьёт, – мы ничем не отличаемся друг от друга. Ни он, ни я не испытываем друг к другу антипатии и ненависти. Всё эта дурац-

кая война. Остаётся лишь надеяться на удачную смерть без мук. Или даже на реалистичное чудо: успех нашей операции. А может, война уже закончилась?

Поднявшись на брёвнах, я высунул глаза. Передо мной проявилась лунная поверхность. Воронок меньше, чем обычно, и всё это напоминает запущенную сельскую дорогу по весне, на которой много грязи и мало порядка. Моросит дождь, и даль уходит в серость. Крысы, лунки, огонь, грязь, уже холодные трупы и сладкий запах. Запах здесь – это не запах дома. Его составляют гниющие трупы, жженая кожа и волосы, содержимое человеческого желудка и уже остывшая после взрыва сырая земля.

– Давай, – сказал Франциско и подал мне руку.

Ему двадцать три года, но из-за пышной бороды он выглядит на все тридцать шесть. Он – азартный парень с аристократическими задатками, и скорее всего, умеет играть во всё, где можно делать ставки. Ещё он очень быстро говорит, за что его и стали называть на итальянский манер. Имя-то его – Франц, но он не возражает. Спустя час работы ещё один из нашего полка, Вильг, опять вонзил в руку колючку.

– Чёрт, опять? Серьезно? – проворчал уставший Браумер.

Все остановились, Франциско передал Вильгу бинт, и тот начал перематывать руку. Жалко парня: он уже третий раз останавливает работу. Стоит, понутив голову, и молча обматывает руку. Все молчат. Бывают случаи, когда день не задается, и все это понимают. Тем более Вильгельм отличается

душевной добротой и почти всегда приводит любые дебаты к миру.

– Бинты переводишь, – грубо произнёс Браумер, смотря на Вильга с презрением.

Вильг поднял голову и хотел что-то сказать, но, увидев свирепый взгляд Браумера, осунулся и промолчал. Лишь нижняя губа у него поджалась. Все стояли в неприятном молчании, и я обратил внимание на Гюнтера. Он стоял ко мне в профиль и смотрел в сторону позиций противника. Подняв каску с бровей, он прищурился. По лбу его плыли капли дождя и пота. Левая, ближняя ко мне, бровь была наполовину меньше правой. Она и часть лица обгорели. На свежей, мелкой бородке уже бегали вши. Как только я повернулся в сторону его взгляда, где-то прокричали: там кто-то есть!

Часть третья.

– This is for you, – повторил солдат напротив меня.

Я потупил взгляд на него, потом на банку консервов в его руке.

– For you, – отчаянно произнёс он, – this is a gift, potearok, – с трудом попытался выговорить английский солдат.

Я, вспотев от волнения, не мог понять его.

– Podiarok biri.

До меня, наконец, дошел, смысл его слов: «подарок бери». Я аккуратно взял предложенную консервную банку. Лицо парня расплылось в расслабленной улыбке. Он пожал мне руку и попросил подождать здесь. А может, и не подождать, а уйти или станцевать, я не понял его. Но то, что он, улыбнувшись, развернулся и быстро зашагал к своим, уверяло меня в том, что я всё понял верно. Рядом двое наших переговаривались с англичанами. В это невозможно было поверить: я говорил с вражеским солдатом. Даже руку пожал. Невозможно. Меня бросило в жар, щёки горели, по телу ходил озноб. Это не укладывалось в стандарты, заложенные в нас. Рождество и мир. Как странно. Удивительным образом вся пуштошь стала светлей, как будто вышло солнце.

Издаലെка сбоку я увидел трёх солдат; среди них был и тот, с кем я говорил. По телу прошли колкие мурашки. Отчего-то

мне стало страшно. Их теперь больше, я без защиты. Оглянулся: ближайшие союзники – метрах в шестидесяти от меня, ещё несколько сидели в окопе. До них – метров пятьдесят. О чём же я думал, когда зашёл так далеко? Почему я здесь? Почему мы не разматываем проволоку? Лицо намокло, но дождя уже не было. Мне было холодно и страшно. Я посмотрел под ноги и понял, что моя рука лежит на кобуре. Резко убрав её, я не мог найти для нее место. Положение спас ряд пощёчин, которыми я себя взбодрил. Ко мне подошли трое парней моего возраста. Один из них, с бело-голубыми глазами, начал говорить.

– С Рождеством тебя! Я – Карл, это – Эдди и Томас.

Когда он говорит, весь взгляд приковывают его необыкновенные глаза. Солдат, вручивший мне подарок, был Томас, его глаза – обычная щёбёнка в сравнении с глазами Карла. Другой из них, Эдди, совсем молод: небольшие усы, низкий рост и большие ботинки делают его по-доброму жалким. А ведь Эдди убивал моих друзья буквально вчера.

– Я – Ламмерт, вас тоже с Рождеством, – проговорил я сумбурно.

– To hell with the government, we should not die because of the quarrel of other people, – с гневом сказал Томас.

– Том сказал, что мы не должны убивать друг друга из-за ругани правителей.

– Add also, that England and Germany have always been friends, – сказал Том Карлу и с довольным лицом уставился

на меня.

– Он говорит, что наши страны всегда дружили, – сказал Карл, вытирая глаз: в этот момент он закашлялся и выругался.

– С мыслями вашими я согласен, но как-то всё это странно и необычно.

Пока Карл переводил им мои слова, я вдруг понял, что надо тоже сделать подарок. Они переговаривались между собой, а я мысленно перебрал свой вещмешок. Сигареты. Нет, сигары! Точно, высушенные сигары, которые я выложил перед походом. Думаю, мне не придётся даже отпрашиваться, так как сейчас везде полная суматоха.

– Можете подождать здесь, я сбегаяю кое-куда и вернусь.

– Of course. We will be waiting for you, – сказал Томас после того, как Карл ему перевёл.

– Сходи, мы будем здесь.

– Отлично, я быстро, luck! – бросил я и быстро пошёл в сторону блиндажа.

До блиндажа путь не близкий, поэтому я почти бежал. Спрыгнув в окоп, я никого не обнаружил, многие вылезли и пытались общаться с нашими врагами. Какой же это абсурд! Что, интересно, творилось в комнате нашего командира? Уже не скрывая эмоций, некоторые вовсю распевали рождественские песни. Выпившие солдаты гуляли сверху. Вмиг граница между двумя армиями, всегда приносящая смерть и боль, превратилась в интернациональную ал-

лею среди разбомбленных рождественских полей.

Как, наверное, рады гражданские, которые могут выйти из каменного заточения, страха и угнетения на воздух, где их не убьют. Долго ли это продержится? На войне я выработал свойство стараться не думать о будущем. Пока что-то есть, хорошо. Потому что, как только начинаешь о чём-то думать, не успеваешь уследить за настоящим. Здесь можно наслаждаться только минутным счастьем. И накапливать это счастье в себе, чтобы пережить многолетнюю тоску.

Дождя сейчас нет, и стало более ясно. Небо почти расчистилось и готово принять ночь. Я подошёл к блиндажу, спустился по лесенке. Блиндаж был пуст, и меня это не удивило. Я сел на кровать: надо собраться с мыслями. Все казалось волшебным: мир празднует, всё состоит из веселья и добра. Это было так странно. Я не испытывал подобного очень давно и даже начал вспоминать то, что казалось давно забытым. Мать, родной дом, какие-то образы из детства. Меня пронзил запах цветущей яблони во дворе нашего дома. Такой непривычно живой запах, нежно струящийся через слои грунта и грязи, из которых я теперь состоял. Я поднялся по лестнице, завернул за угол. Мне на встречу шёл солдат. У меня не было страха, я ничего не заметил и лишь улыбнулся ему. Вражеский солдат, в его руках винтовка, от которой идёт дым. В десяти шагах лежит моё тело, из которого выходят остатки души. Эта душа пахнет цветущей яблоней.

Сводка.

Солдат Германской Империи Ламмерт Гилен-Вольф умер
24 декабря 1914 года.

III

Часть первая.

– Тебя мама просит узнать, что с тётъ Зиной, говорит, она сегодня на рынке продаёт. Вот, – маленький запыхавшийся мальчик вручил Ярику авоську, – она ещё это просила передать.

– Спасибо, Мить, беги лучше домой и нигде не задерживайся здесь.

– Ярик, а можно с тобой? – с улыбкой спросил розовощёкий парнишка лет шести.

– Ещё чего, не выдумывай.

– А я тоже на поезде ездил однажды с папкой. Только не помню уже ничего.

– Митя, – Ярик насупил правую бровь, – беги домой и не зли меня, и так поезд задерживают.

– Ладно, – на этой фразе мальчуган поспешно развернулся и неуклюже побежал с вокзала.

На убегающем мальчике была неопрятно натянута рубашка, волосы сострижены почти под ноль. Сапоги были больше размера на три, но это не мешало ему передвигаться. Мальчик Митя был младшим из семи братьев Доставаловых, проживающих в Атаманской станице. Дом главы семейства, сот-

ника Ивана Доставалова, был крайним и имел выход на берег Иртыша. Рядом с хатой Ивана стояло ещё два сооружения, принадлежавших семейству. Это были дома старших сыновей, Василия и Вениамина.

Доски вокзала скрипели под ногами убегающего Мити, он был любимым братом Ярика. Так сложилось, что Ярик во многом был для Мити вместо отца. Приближался третий час дня. С окончания зимы ещё ни разу не было дождей. Поэтому земля, на которой обычно росли одуванчики, стала настолько сухой, что потрескалась мелкими трещинами. Пространство буквально дрожало. Всё, на что падал взгляд, неестественно колебалось. Словно на Ярика были надеты странные очки, линзы в которых заменял раскалённый воздух, подобно тому, какой бывает над костром.

«Красная рубашка. Что за красная рубашка?» – промелькнуло у Ярика в голове. Рубашка на Мите и вправду отливала красным. Она не была красной, как часовня, стоящая подле Железного моста. Рубашка Мити была как будто измазана красно-коричневой краской. Странно, что Ярик заметил это, когда Митька был уже далеко. Во время их разговора он не обратил на это внимания. Более того, Ярик напрочь забыл, как выглядел Митя и то, о чём они говорили. В одно мгновение, краска оказалась кровью. На спине убегающего Мити проступала алая жидкость. Ярик ринулся к брату, начал кричать, но ничего не происходило. Он видел себя со стороны, мирно стоящего и смотрящего на окровавленного

брата. Взгляд как будто отделился и парил. Ярик выглядел так, будто ничего не было, только глаза были стеклянными. Душа у него словно пылала, он рвался и кричал, но не мог шелохнуться. Красная рубашка. Взрывы. Запах палёных волос. Безудержный крик и полная тишина. Горящая изнутри голова и огонь, заполняющий вокзал.

...Окно в железной рамке было расписано морозным узором. За холодным металлом вьюга выла одинокой волчицей. Ветер вместе со снегом буйствовал и частично задувал в кабину. Сквозь сибирскую бурю был виден застывший Иртыш. Он безмятежно стоял, скованный льдами холодного февраля. Его спокойствие было смертельным. Иртыш только казался безобидным старцем, на самом деле он – хладнокровный воин, замораживающий и не дающий пощады. Но всё-таки летом Иртыш становился добрым юношей, разместившим на своих могучих плечах город Омск. Порыв ветра скрыл и Иртыш, и все, что было за пределами поезда. Состав оказался полностью поглощён коконом из снега и ветра. Ярик стоял по левую руку от машиниста возле выхода на балкончик поезда. Он повернулся и сказал:

– Метель о-го-го! Лишь бы с поездом чего не стряслось, тут ведь, если остановиться, то всё – беда, снегом заметёт. – Ярик по-доброму ухмыльнулся.

– Тьфу на тебя, молчал бы уж, – грозно покосился собеседник. – Сплюнь лучше, а то – как вторая бригада: два дня их выкапывали.

– Да ладно тебе, я ж в шутку, – обижено сказал Ярик.

Собеседник Ярика был хорошим мужиком: крепкий, коренастый, – они с ним познакомились ещё года три назад. Ярик по дружбе пробился к нему в кабину. Собеседник был машинистом этой «овечки»¹ с невских берегов². Хотя он и был старше Ярика на десяток лет, но дружба между ними завязалась хорошая. Возраст интересам не помеха.

Паровоз летел сквозь пространство. Были только рельсы и поезд. Огромное, гудящее чудо, сотканное инженерами из листов металла, эффективно работало. Пожирало любой вид топлива, вплоть до сушёной воблы, и разрезало белую пелену омской выюги.

– Я тут на днях выведал у одного мужичка, что Иртыш значит, – проговорил Ярик.

– Небось, опять какую-нибудь околесицу. Ты так мне уже про Порт-Артур сказывал, про короля англицкого и меч эдакий.

– Да нет же, тут тюрк такой был странный на казачьем рынке, он-то мне и рассказал, – вместо заинтересованности Ярик увидел высокомерное безразличие. Его товарищ непоколебимо всматривался в снежную даль.

– Так вот, он мне сказал, что Иртыш на ихнем говорении –

¹ В 1912 году паровозам с оригинальным парораспределительным механизмом Вальсхарта было присвоено обозначение серии «Ов». По-народному — «Овечка».

² Имеется в виду завод-изготовитель в Санкт-Петербурге, выпускающий паровозы.

это эдакий буйвол с плугом, – Ярик помялся с ноги на ногу. – Ну как землерой, если прямо.

Возникла тишина. Ярику было неловко в этой паузе, как будто он провинился, сказав глупость. Он быстро соображал, как исправить положение.

– Ну согласишься, складно выходит, Иртыш же сильный. Он нашу Сибирь как поле с картошкой перерубает. Заходит в Китае и насквозь прямиком до Оби на север идёт.

– Твоя эта придумка за уши притянута, – консервативно произнёс собеседник, – ровно так я могу сказать, что Тобол – это таволга какая-нибудь. Мне тоже знаешь, это один торговец сказал ещё в позатом году.

– Да ну тебя, неувязный ты сегодня какой-то. Будто б и по правде чёрт укусил, – в сердцах вскрикнул Ярик и вывалился на «палубу» поезда.

Он открыл дверку, и из прохода сразу забил жёсткий ветер. Обида была сильнее комфорта, поэтому Ярик плюнул и вышел на мостик. По правую руку от него были чёрные конструкции паровоза, а слева начинался Омск.

Ярик двигался по Атамановской улице. Ему надо было добраться до Бутырского базара, а это почти через весь город. На самом деле он был ещё в Казачьем форштадте, но граница с форштадтом Ильинским была уже на следующей улице. Справа от него стоял монументальный Казачий собор. Белые колонны, выраженную башню колоколов и главный купол с

крестом окружал маленький, но крепкий заборчик. С другой стороны дороги, со стороны Иртыша, находился кадетский корпус. Не менее фундаментальное здание стояло на этом месте уже сто один год. Как раз прошлым маем, первого числа, царь отдал приказ о переименовании корпуса.

«1-ый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус» – так теперь именовалось это училище. Собор и кадетский корпус окружали похожие колонны, но у корпуса они были более выразительные: казалось, что в них больше истории. Слишком уж много жизней прошло мимо них и пройдёт ещё. У Ярика в кадетском корпусе числился друг-поэт Лёша Грызлов. Они не виделись с осени девятьсот тринадцатого года, Ярик даже не знал, учится ли он там ещё.

Улица из Атамановской плавно перетекла в Дворцовую. Ярик пересёк улицу Бухгольца и почти подошёл к Железному мосту. Этот мост был особенным, его построили не так давно через Омку – спокойную речку впадающую в Иртыш. Предыдущий мост, Ильинский, был деревянным и ветхим, почему его и решили сменить. Мост был особым, потому что был разводным. Только процесс происходил не как в Петрограде, а иначе. Мост разворачивался повдоль Омки и пропускал корабли.

Ярик взошёл на мост, голова закружилась. У него было странное ощущение, ноги свело, в глазах потемнело. Ярик прижался к перилам. Придя в себя, он осмотрелся и понял, что стоит на стыке двух частей моста. Он не понимал, как

оказался почти посередине моста, но сейчас это было не главным. Его поразило другое: вокруг не было людей. Ни одного человека. Днём, в центре Омска, в одном из популярнейших мест города не было никого. Ярик начал вертеть головой по сторонам, ему показалась, что со спины едет автомобиль. Он побежал, но и с другой стороны загудел гудок, только корабельный. Мост начал поворачиваться. Ярик чуть не упал, но успел вовремя схватиться за перила. Мост поворачивался, всё гудело. Голова гудела. Завизжали машинные тормоза. Ярик схватился за голову, за свою мокрую голову. Ржали кони, Ярику было холодно и при этом жарко. Он стоял лицом к Иртышу, держась за голову и нервно вертясь.

Воцарилась звенящая тишина. Ни звука. Головокружение прошло, и голова стала, как чистый хрусталь. Ярик поднялся и посмотрел на Иртыш. Какая красивая река. В спину его что-то толкнуло. Ярик, не понимая, что произошло, перелетел через перила и полетел в воду.

Сокол летел над крепостью Осовец. Река, железная дорога и замок, построенный после петровских времён. Птица пролетала над ним достаточно высоко. Земля вокруг была изъезжена траншеями, везде воронки. Засвистел снаряд.

Часть вторая.

Ярик проснулся.

– Опять долбят? – Спросил он.

– Дак вот только начали.

– Надоело уже, – сонно произнёс Ярик.

– Кому ж не надоело-то? Крепись, солдат, выживем – в контратаку пойдём.

С потолка посыпалась пыль и известь. Прилетел очередной снаряд. Сбоку от Ярика сидел Гриша. Это был хорошо воспитанный юноша, уже знающий многие тонкости войны. У него была одна черта. Любил он постоянно лезть другому человеку под кожу. Даже не любил скорее, а делал это по привычке. Таков характер. Гриша – уроженец подмосковной деревушки и даже однажды пробовал пробиться в столицу. По дружбе устроился в доки, но даже месяца там не пробыл. Выгнали несмышлёного Георгия как раз из-за этого скользкого качества.

Немецкие мортиры не давали покоя сводам старого замка. Вся земля внутри дрожала. Всё дрожало. Огромные Большие Берты непрерывно обстреливали позиции русских. Саму же крепость бомбили самолёты.

– Контратаковать будем, – утвердительно сказал Гриша серьёзным голосом. Он был старшим унтер-офицером, а значит, Ярик ему подчинялся.

В ответ на вопросительные выражения лиц Гриша лишь высокомерно кивнул. Он подтянулся и, выдержав гордую паузу, сказал:

– Я от Миши это слышал, ему сам штабс-капитан Ларион сказал.

Михаил Гончаров, фельдфебель Ярика, здоровый, рослый мужик с телосложением олимпийского бога. От левого уха и до губ его рассекал глубокий шрам. Поначалу это выглядело жутко, но только по началу. Некоторые новопришедшие, кто на свою глупость спрашивал Мишу о шраме, награждались мешком угля. Им приходилось выполнять и без того изнуряющие команды с грузом на плечах. Когда-то это произошло и с Яриком. Но, так как они быстро нашли общий язык, он больше не тягал уголь.

Ярик посмирнел. Если Гриша сказал правду, то контрагате быть. Хоть это и было очевидно, но Ярику не хотелось в это верить. Почти у всех солдат настроение было нервным, дефицит не давал покоя. В двести двадцать шестом Землянском полку не хватало ни оружия, ни боеприпасов. Ярику казалось, что патронов нет нигде, не только в их полку, но и по всему фронту. Поэтому контрнаступление являлось буквально наполеоновским сражением. Бой вёлся «в штыки». Можно было найти и достоинства: это подстёгивало солдат на героизм: всё равно умрёшь, так хоть в бою. Ярик посмотрел на рукоятку своей шашки. Красивый, гравированный металл. Он взялся за ручку и закрыл глаза. Он молился.

– Мне сон снился, – тихо вымолвил Ярик так, чтобы услышал только Петя.

Ярик дружил с Петей, они оба были ефрейторами. Петя был счастливым обладателем трофейной винтовки. Он поднялся и облокотился на стенку, показывая, что слушает.

– Брат снился, Омск, Иртыш, – нежно говорил Ярик. – Только всё омрачалось кровью и взрывами, даже глубокие воспоминания война искорёжила.

Ярик вздохнул. Петя протянул ему фляжку. Иногда действие полезнее слова. Ярик отхлебнул. На удивление он сделал глоток не воды, а вина, крепкого, сладкого, возможно, даже кагора. Точно, кагора. Он вспомнил, как церковнослужитель, дед Пети, тайком передал им эту бутылку. Правда, это было в декабре. Ярик допил свою долю ещё в январе. Он не отличался запасливостью. А вот Петя сохранил священный напиток вплоть до февраля. Вина, конечно, было немного: около одной трети. Он сделал ещё глоток и отдал обратно. Грохот поутих, и появилось спокойствие. Интересно, что снаряды нещадно били, но Ярик уже совсем не обращал внимания. Отличительная черта солдата – свойство быстро привыкать к обстоятельствам. Многим это качество спасало жизнь, многие головы оставило в здравом рассудке. По телу Ярика пробежало приятное тепло. Факел в стене напротив горел и освещал свод тоннеля замка. Где-то вдали от взрывов, выстрелов и смертей медленно спускался снег на застывшие болота.

– А Расскажи-ка мне, Ярик, как ты, такой омский казачок, попал к нам в пехотный полк? – Резанул, как ножом, Гриша, резанул так, что у Ярика даже пробежали мурашки по коже. Он проговорил это с тонкой язвительностью, вложив высокомерие в каждое слово.

– Омск – это же Сибирь – холодно и далеко, никак не Калуга. За такое своеволие тебя и на плаху можно, – добавил Гриша.

«Вот паскуда, не унимается, прилипало скользкий, влупить бы тебе по физиономии и не отвечать».

– Я мобилизован был из Калуги, а туда приехал по делу, в суматохе меня уже не стали отправлять обратно. Такие вот бывают, Гриша, исключения.

– Ой, да и правда, не стали отправлять, а просто взяли? Не темнишь ли ты случаем, Ярослав, может ты – никакое не исключение, а просто схитрил?

Ярик, правда, приехал в Калугу к дяде, он был при смерти, хотел проститься. Дядя жил какое-то время с ними в станице и был для Ярика очень близким человеком. Потом уехал. Ярику тогда было около десяти. Эти подробности он точно не стал бы раскрывать Грише. Ярика зацепило ещё то, что Гриша назвал его полное имя, хотя звали Ярика по-другому.

– Ты, Гриша, зря зарываешься – в качестве исключения всякое может произойти с твоей скользкой мордой.

Ярик лез на минное поле. Гриша начал гневно кричать, но тут вмешался только что подошедший Миша.

– Тише, ребят, не устраивайте бучу. Что сцепились-то, и без того завалит с минуты на минуту, а вы спорите, – добавил он. – Что ты, Гришка, придрался? Следи за своими портками, а не чужими.

Миша засмеялся, и ненависть спала. Гриша молча уткнулся взглядом в колени. Ярику было приятно, что за него заступились. Глаза у него заулыбались.

Семнадцатого февраля Ярик не умер, он дожил до лета пятнадцатого года.

...Птицы улетали из форта, поднялся сильный ветер. Он дул с немецких позиций. Двадцать четвёртого июля Ярик со своей четырнадцатой ротой находился возле Рудского моста. Он бодрствовал, не мог заснуть, около четырёх часов утра вышел по нужде. Было тихо, начинало светать, вокруг куста летал шмель. Ярик стоял в одиночестве и внимал необычному состоянию природы. Внешне царило спокойствие, шмель жужжал над какими-то соцветиями, вода в реке мерно переливалась. Но Ярик ощущал, что царящее спокойствие – лишь пешка в руках настоящего правителя. Негласный властитель, как это часто случается, был коварен и страшен. Имя этой страшной силы – погода.

Подул порыв ветра. Затрубили тревогу. Горизонт зеленел на глазах, кроны дальних деревьев утопали в смертельном тумане. Ярик, увидев это, дёрнулся и побежал. Немцы начали наступление на позиции Сосни и Бялогронды. Если бы они добрались до моста, то прорвали бы линию фрон-

та, разделив русскую армию надвое. Командование направило вдоль железной дороги тринадцатую роту в Леоновский двор. Восьмую роту отправили посередине, а роту Ярика отправили отбивать позиции Сосни. Это была страшная контратака. Ярик уже по пути намотал на голову белую тряпку, облил лицо водой. Он поправил фуражку, страх холодил спину.

На подходах к позициям они вошли в надвигавшееся на них облако хлора. Солдаты начали давиться. Крики и стоны заполнили пространство. Артиллерия била по ним, как по комарам. Гриша стянул кровавую маску и сплюнул сгусток крови. Сняв с пояса фляжку, он начал пить.

– Стой. Не пей. . . . Терпи! – крикнул ему кто-то отрывисто, но Гриша не слышал. Он не хотел слышать.

Фляжка прикоснулась к кровавому рту. Гриша жадно выпил всю воду, отбросил фляжку и начал отхаркиваться. Он кряхтел и плевался кровью. Его скрутило, и он упал на землю. Гриша, стоная, пытался кричать, просил воды. Яд скапливался в низине, поэтому Гришу захлестнуло новой волной скрежета лёгких. Через минуту страданий он сжался эмбрионом и утих. «Как пришёл, так и ушёл» – подумал Ярик. Ему было жалко Гришу и стыдно за свою беспомощность. Что тут поделаешь? Чувство стыда быстро перебил порыв боли в горле, он сплюнул в маску. Ярик выругался про себя и попытался пойти дальше. Но тут его ноги подвернулись, и он в бессилии упал на четвереньки. «Надо встать, тут газ, надо вставать». Колени почувствовали мокрую почерневшую

землю. Он пересилил себя и встал на ноги, пошатнулся, но устоял. Рядом появился Петя.

– Пойдём, браток, нельзя нам умереть за просто так, – сказал Петя и с яростью потянул Ярика вперёд.

Начались выстрелы. Ярик увидел голову с большими глазами. Немецкий солдат в противогазе хотел приложить винтовку, но тут в правое стекло влетела пуля. Выглядело так, как будто изнутри фонтан крови разбил стеклышко. Все ринулись в атаку. Русская артиллерия тоже подключилась и начала помогать солдатам. Полуживые-полумёртвые войны шли в последний бой. Они двигались как одна машина. Изуродованные, в кровавых повязках, шли как один человек. Газовая атака провоцировала в них чувство безысходности, и это генерировало в них гнев, который они выплёскивали в последнем бою.

Ярик вынул шашку и с криком побежал в атаку. Ноги тяжело поддавались, но он не чувствовал этого. Он схлестнулся в битве, лихо полоснул по шее ниже противогаза, его забрызгало кровью. Тут же подлетели ещё, Ярика по касательной задело штыком, пошла кровь. Он в гневе рубанул одного по лицу и следующим ударом срезал пласт ноги у другого. Шашкой он владел отменно. Слева прилетел взрыв, Ярика отбросило и оглушило. Он встал и приложил руку к ране. Рука в момент покраснела. В него целился солдат, и Ярик это заметил. Он взял красной рукой шашку и побежал на него. Пуля ушла в сторону. Это была скорее удача, чем рас-

чёт. Бедный солдат не успел ничего предпринять и просто застыл в страхе. Ярик с разбега хлестанул его по шее, так что голова опрокинулась, но осталась висеть. Тело свалилось.

Рядом он увидел лежащего Петю и устремился к нему, но наступил на что-то мягкое. Это была упавшая птица. Секунду помедлив, он вернул взгляд на Петю и увидел около него вражеского солдата. Прозвучал выстрел. Чёткий выстрел, который Ярик уловил среди вереницы звуков боя. Солдат стоял с винтовкой в руках. Он придавил Петю ногой к груди и просто выстрелил. Ярик подлетел к нему. Солдат только повернулся, но тут же упал замертво, рассечённый ударом. Ярик бросился на колени к Пете, тот был мёртв. Ярик вытащил из нагрудного кармана бумажки, схватил Петину винтовку и встал. В глазах потемнело. Он смутно видел перед собой врага. Ярик выстрелил. Солдат упал. Из трофейной винтовки Пети вылетела ещё одна пуля. Она поразила другого солдата. Он упал и начал извиваться. Ярик устремился дальше.

Сводка

Солдат Российской империи Ярополк Доставалов умер 24 июля 1915 года.

Семьдесят шестой и восемнадцатый пехотные полки ландвера были обращены в бегство. Контратака была успешной, и к одиннадцати часам утра немецкая артиллерия прекратила огонь. Больше Германия не нападала на Осовец, в

августе русские ушли, взорвав остатки крепости.

IV

Часть первая.

Дым заполнял бар. Недокуренная сигарета тлела в хрустальной пепельнице. Я затянулся. Мокрый табак осел на языке. За стойкой крутился Билл. Он обслуживал только что вошедшую блондинку. Вместе с ней вошли ещё два кавалера. Я сидел за столиком, забившись в угол бара, и ощущал одиночество. Последний из моих друзей ушёл час назад. А я не ушёл, я остался. Хотел подольше продлить приятную атмосферу, но в итоге всё загубил. Надо было сразу уйти, не затягивать. Легко рассуждать о том, что уже было. Теперь, вместо приятного послевкусия меня со всех сторон окружила всеобъемлющая тоска.

Я посмотрел в сторону стойки и увидел весьма занятную картину. За стойкой сидела девушка. На ней была миниатюрная шубка, приятно гармонирующая с золотистыми волосами. С обеих сторон от блондинки сидели два мужичка. Один высокий и тонкий, другой низкий и толстый. Как иронично.

– Эй, Билли! – призывно крикнул я.

Златоволосая откинулась назад и затылком попала под свет лампы. Теперь её роскошные, серебристо-золотые локоны отливали нежно-бардовым.

Билли спешно вышел из-за стойки и направился ко мне. Он унаследовал этот бар от своего деда Экберта, английского эмигранта. В память о котором, бар недавно был переименован в «Трактир дедушки Экберта». У них с дедом были тёплые отношения.

Таким выкриком я попал сразу в две цели. Первая – это привлечение внимания к себе, а вторая – это возобновление рома в моём бокале. Подошёл Билл.

– Тебе обновить или что-то особенное? – спросил он с улыбкой.

– И то, и то.

Билли взял мой бокал и наполнил его заранее принесённым ромом. Поставив стакан, он вопрошающе уставился на меня. Мы встретились глазами. Такое добродушное лицо. Ни на что не претендующее, ничем не озадаченное. Билли был как раз тем человеком, про которого можно сказать «добрый малый».

– Ну, так что, ты говорил про что-то особенное? – с наивной улыбкой произнесло лицо напротив меня. Что это за лицо, доброе оно или злое? Кто оно или что? Пожалуй, с меня рома на сегодня хватит.

– Нил, ты в порядке? – поинтересовалось лицо. – Эй, ты чего? – сказал он и потрепал меня по плечу.

– Да, да... задремал чуток. Девушке за стойкой – бокал мартини, – встрепенувшись, произнёс я.

– Фух, ты так не пропадай, а то уж совсем тоскливо ста-

новится, – сказал Билл и с облегчением ушёл.

...Ночь. Такая сладкая и такая волшебная. Я стоял на улице и смотрел вдаль. В голове играл новоорлеанский джаз. Неоновые вывески мягко плыли в тумане и всё как будто застыло. Тихо подкрадывался третий час ночи, и я стоял у отеля «Челси» на 23-ей-стрит. Буржуазное, кирпичное, резко-красное здание стояло за моей спиной. Мой мозг затмила эйфория. Незаметно оказавшись дома (видимо, доехал на такси), я лёг в свою постель, как в первый раз. Всё было странным и возвышенным. Только в кровати стало ясно, что я устал до изнеможения. Во сне моё лицо изменилось в глупой улыбке.

Мы сидели на веранде. С той удивительной ночи прошло больше трёх месяцев. До конца марта осталась пара ночей. Часы на моём запястье показывали одиннадцать часов двадцать две минуты, но мы-то знали, что они врут. Сейчас было утро. Два часа дня, шесть часов утра – всё едино: утро тогда, когда ты просыпаешься. Так считал один мой друг, и сегодня я был полностью с ним согласен.

Веранда располагалась на одной из улочек между Пятой авеню и Мэдисон-стрит. За соседним столиком разразилась сцена: двое мужчин громко спорили на какую-то тему. Они поглотили всё моё внимание. Дебаты велись по поводу уже приевшейся всем телеграммы министра иностранных дел Германии. Один, что постарше, сидел к нам спиной. Он на-

стаивал на немедленном вступлении нашей страны в войну. Мол, «объяснить этим немцам, как дела делаются!». А его оппонент, на вид – не более двадцати лет, упорно твердил, что депеша – это фальсификация, и что она как раз и выдумана, чтобы нарушить нейтралитет Америки. Это звучало бы достоверно, но не из уст этого юноши. Слишком он был слащав: чёрные волосы, полностью прилизанные, идеальный пробор, чистое лицо, и надменное выражение лица. Такие личности обычно всегда находятся близь тех, кого потом убивают или сажают в тюрьму. Одним словом, подстрекатель.

«Тьфу, зачем я только слушать их начал? Такое утро, и такие люди. Не сочетаемо. Надо быстрее забыться и запиться». Я сделал приличный глоток кофе, и весь мир вокруг меня стабилизировался. Опять пришло то состояние, которое убежало при виде соседнего столика. К слову, идейные соперники угасли и опять беззаботно беседовали.

– Ты помнишь, что завтра? – спросила Марлен.

– Да, завтра понедельник, – улыбаясь, ответил я.

– Какой понедельник, при чем тут вообще день недели?

Завтра мы будем на корабле.

– А, точно, круиз.

Прямо рядом с нами просигналила машина. Марлен схватилась за мою руку.

– Тише, всё не так уж и плохо.

– Дурак, – сердито вымолвила она в сторону шофёра.

– Мне сон снился недавно, – начал рассказывать я и пере-
менился в лице. Тоскливо стало.

Она посмотрела на меня.

– Лес, зелёный, древний. Спокойный такой, как будто за-
стывший когда-то. А потом – страх и смерть. И продираю-
щий холод, – я ушёл в воспоминания. – Лес переменялся,
как кадр на ленте: он стал страшен. Обгорелые, голые стволы
торчали из чёрной земли. словно другая планета – планета,
на которой случился катаклизм. У нас же не может такого
быть: здесь тихо, машины гудят, дети бегают, не может же
где-то за океаном идти война. Это невозможно и это проис-
ходит. Лес был как кладбище целой эпохи. Я проснулся, как
парализованный, – в поту и дрожи. Станный сон.

– Странно: лес, а потом такое, – вымолвила она. – Может
и не война это – ты же её ни разу не видел.

– Ты права: сны ведь черпают себя из видимого в жизни,
а значит просто дурной сон. И ни какая не война.

Мы молчали.

– Уплывём отсюда, – сказала она, – уплывём от новостей
и людей, побудем только вдвоем. Хотя бы какое-то время.

Часть вторая.

Ветер снаружи продирает до костей: если бы я был на корме, меня бы точно продуло. Но, к счастью, я уже в каюте. Прибыть мы должны к вечеру, всего часов через двадцать. Для обычного человека это покажется долгим, но когда ты уже не первую неделю торчишь в океане, двадцать часов – копейки. Интересным образом переменялась жизнь. Сейчас я здесь, в каюте, а пару месяцев назад даже подумать не мог о подобном. Начиналась осень, пока ещё такая, которая бывает совсем неразличима с летом. Я всегда представлял свою поездку в Европу, во Францию, думал, мы вместе будем... с Марлен. Но сложилось всё совсем иначе, даже слегка иронично. Знать бы, как она сейчас там, в родном Бронксе. А может, она сейчас и не дома. Не хочу считать время, опять соотносить, вымерять, чтобы понять утро ли в Нью-Йорке или глубокая ночь. Плевать. Только пускаешь мысли в свободное русло, как сразу начинаешь сходить с ума от всеобъемлющей безысходности. На проклятых суднах нет телеграфных столбов, не летают сюда чёрные средневековые вороны. Вон, взять Оливера – нашёл же где-то что-то спиртное, напился, и лежит напротив в беспамятстве. Хорошо ему. Я б может тоже хотел, только без толку – это даже опасно. Трезвым легче контролировать мысли. И теперь даже поговорить не с кем, Оли хоть и глупый собеседник, но хотя бы какой-то.

Интересно, что смерть от пули мне никогда не нравилась. Хотя кольт и лежал под головой. Прикосновение пальцем к металлу, чёрному, лакированному – и всё, конец. Странная мысль, навеянная недавним случаем. Буквально вчера один выстрел забрал одного бойца. Прогредел он всего через три каюты от меня. Его решение или его поражение. Проиграл бой, не вступив в него. Хотя сражение началось ещё в Америке, когда мы узнали об изменении в воинской повинности. Восемнадцатого мая семнадцатого года мировая война стала мировой и для граждан Соединённых Штатов.

Я сидел в трюме, вой бьющихся волн был практически не слышен, редкие чайки тоже, а перед глазами – картина: край палубы, выкрашенный в серую краску, состоящий из металлического ограждения. Мокрого, холодного, и слегка ржавеющего с внешней стороны. Сверху его завершает стальная круглая балка, параллельно которой протянут канат, продернутый через огромные рым-гайки. Дальше, за борт, к телу судна прилегает верёвочная лестница, намертво прикрепленная к ограждению. Она была длинной: метров пятнадцать, насквозь промокшая, зелёно-жёлтая от морских бактерий, к концу вся заросшая водорослями.

Произошло вот что: парень, на вид стабильный и благо-разумный, во всяком случае, лицо его источало именно эти психические качества, бросился за борт. Не однозначно конечно, может и слетел по-дурости, но уж очень это маловероятно. То, что было дальше, очень походило на помеша-

тельство. Здесь, в наших обстоятельствах, сам путь является проверкой на моральную стойкость. Закрытое пространство, изученное до дыр, непрерывная качка, и вдобавок, всю прошлую неделю стоял полный штиль. Обстоятельства ужасающие. Но самое гнетущие, что терновым венцом этого пути вполне может быть смерть. От пули или штыка, свистящего снаряда или обыденной на фронте дизентерии. Ведь как бы не убеждала нас пропаганда, но под нами ни земли родной не будет, ни цели ясной. А чего стоят рассказы, про беспеременный западный фронт. В них можно не верить, но в условиях нашего круиза, они, как коррозия, разъедают склонный к апатии мозг.

Когда за парнем слезли ребята, он начал брыкаться, как обезумевший конь. Кричал что-то невнятное и плевался морской пеной. Пришлось оставить его висеть на лесенке в надежде, что он отойдёт. Он отвернулся, безумно вглядываясь в морскую пучину. Решили, что лучше пусть погибнет он один, нежели утащит за собой ещё одного-другого. Умирать такой смертью никто не хочет, и мало кому её пожелаешь.

Я лежу с закрытыми глазами, надо бы уснуть. Но мозг не дремлет, он и через закрытые веки видит картины. Бронкс и Манхеттен, и такой холодный Гудзон с тёмной, свинцовой водой. Окунуться здесь в мировой океан, уйти ко дну и вынырнуть там, возле дома. Не хочу всего этого... войны, смерти, одиночества.

Поутру его решили проверить, но его, дурака, там не ока-

залось. Надеялись, что как околевать начнёт – выползет. А он отпустил верёвки и ушёл в свой Гудзон. А может, и не дурак он. А может, дураки все мы, кто отважился шагнуть на борт. Глупцы, сорвавшие золотую ветвь в садах дочери Юпитера.

...Мне стало душно. Надо выйти на палубу, дышать в этой каюте больше невозможно. Любая вода может обратиться Стиксом, а любой правитель – это Харон для своих солдат. Хочу увидеть свою Марлен, она ведь ждёт меня.

Я вышел на палубу, пол качнуло, и я, потеряв равновесие, припал к канату. Наконец, штиль сменился штормом. В волнах что-то поблескивало. Я увидел там каркасные башни под серым и дождливым небом; кирпичный отель в глубине ночи...

Сводка.

Солдат Соединенных штатов Америки Нилл Томпсон умер 11 сентября 1917 года.

По решению президента Вильсона, американская армия вступила в войну, и тем самым официально подключила к военным действиям последний континент населённый людьми.

V

Часть первая.

Я шёл по улице Френель.

<...> *Оборванная страница* <...>

Прижавшись друг к другу мы лежали на кровати. Нас укрывало самое тяжёлое одеяло, какое только могло найтись в этом городе. В этом обречённом на долгую тьму Париже. Но сейчас это было неважно. Сейчас уже ничего не важно, кроме нас, двух тел, прикованных друг к другу в доме близь Сены. Месяц, неделю, и даже вчера ещё было будущее, сейчас нет ничего. Значит, важно лишь настоящее.

Комнату заполнял мрак, не пугающий и не расслабляющий. Обыкновенный мрак, самую каплю пленящий. Он родился благодаря плотным шторам, наглухо закрывающие единственное окно в спальне. Я любил солнечный свет, и также любил свинцовые тучи, проще говоря, любые выражения погоды. Но квартира была не моей, а даже, если бы я был здесь хозяином, окна всё равно были бы зашторены. Ведь это нравилось ей, моему Солнцу.

Я встал с кровати и молча подошёл к окну. Приоткрыв шторы, я просунул в них голову. Было важно заслонить собой поступающий в комнату свет. На улице царил хаос сти-

хии. Каштаны, высаженные вдоль реки, буквально плясали: ветер мотал их из стороны в сторону. Спорная антенная башня почти полностью спряталась в водно-воздушном месиве, было видно лишь основание, а макушка неравномерно исчезала. Самое интересное, что хватило бы одного мгновения, одного порыва ветра, чтобы скрыть ее из поля зрения так, будто её и не было. И через минуту проявиться обратно на этом совершенном и непредсказуемом полотне. Гроза выпускала молнии, подобное искрам, вылетающим из-под ударов мьельнира по наковальне. Люди всегда старались предать неизвестному смысл, чтобы оно меньше их пугало. Посмотрим, буду ли я жив, скажем, через год. И стану ли я верить в предложенных богов.

Окно, состоящее из деревянной, плохо выбеленной рамы, забрызгивало дождем. Ветер сносил капли в стекло и размазывал их, как кляксы, по которым провели ладонью. После клякс на стекле оставались разводы. Забавно сейчас наблюдать за своими мыслями: при виде забрызганного окна я сразу подумал о том, что его опять придётся мыть. Послезавтра или может после выходных... как странно всё... хочется крепко зажмурить глаза, вдавить в них руки... и открыть... и видеть. Видеть всё теми глазами, которые наблюдали эту квартиру неделю назад. Всего-то одну неделю. Станные люди существа, понимают что имели, лишь тогда, когда лишаются этого.

– Обними меня крепко-крепко, – проговорила она из-за

спины.

Я вздрогнул. Видимо, она давно уже стояла рядом, но не нарушала потока моих мыслей. А лучше бы нарушила. Я развернулся и вцепился в неё. Прижал к себе, слегка поднял и, обхватив руками талию, понёс на кровать. Так мы и упали, она вкрутилась носом мне в плечо, а я просто ещё крепче прижался к её телу. Такому горячему и живому. Будто в последний раз его ощущал. Не мог я перебарывать этот внутренний драматизм, хоть сейчас он и был обоснован. Надо держать себя в руках. Как странно представлять, что она может оказаться не рядом. Не где-то в зоне досягаемости, не где-то там, куда бы я смог прийти. Но страннее ощущать то, что возможно мы так лежим последний раз. Что больше мы вообще ни соприкоснёмся. Мозг непрерывно толкал эту дурную мысль вперёд всех остальных. Но где-то в глубине души я не мог поверить в то, что могу умереть.

Мы лежали молча, но по ощущениям непрерывно говорили. Мне уже надо было вставать и идти, но я не мог.

– Если устанешь ждать меня, не жди. Может, ты будешь ждать того, кто уже мёртв.

– Заткнись, я буду ждать, и не говори ничего такого, – импульсивно перебила она и вцепилась в спину ногтями.

– Знай, что ты всё выдержишь, потому что я уже крепко сижу у тебя в голове и сердце, и везде где можно, и где нельзя. А значит мы вместе, даже когда меня нет, – сказал я.

Мы встали и вышли в прихожую. Она поцеловала меня, я

поцеловал её. Надев пальто и зашнуровав ботинки, я выпрямился. Она обняла меня. Мы опять вцепились губами друг в друга, я сказал, что люблю её и вышел из квартиры.

Часть вторая.

Опять засвистело. Нет, ни летний ветер, задувающий в форточку, и не холодный и продирающий насквозь морской шквал Северного моря. Я закрыл голову руками. Справа от меня резким взрывом вырвало клочок земли. В небо взлетела ива.

А ведь ещё вчера с её веток капали тёмные от пасмурного неба капли. Странно, что перед тем, как бросится наземь, я оглядел иву. Мгновение назад тёмный мох укрывал её корни, мягкий как качественная перина, и если утопить в нём ладони, он их приятно принимал. Удивительно, что бросился я не к ней, а на грунтовую насыпь, находящуюся от ивы метрах в восьми. Хотя после вчерашней атаки ничего удивительного не осталось в этом лесу. Впрочем, как и на этой планете. Цинизм в таких условиях вырабатывается меньше, чем за неделю. Может, и наивно так думать, но вчера мне стала ясна суть этой войны, и то, что абстрактные русские нас сейчас не вытащат. Они не прилетят на своём Илье Муромце и не изничтожат немецкие укрепления. Их командование подобно нашему в своей дурости и абсурдности. Но у них хотя бы телефонные кабели по фронту прокинуты, ещё с первых лет этого столетия.

Истощился человеческий запас разумных империй. Может, остались только Швейцария, или Америка. Но готов де-

лать ставку, что их тоже втянут, а если не втянут, то последствия разборок соседей лягут тяжёлым крестом на их жизнь. Интересно, будет ли на моём месте лежать убитый американский солдат? Звучит, как вздор, но меня бы это не удивило. Сейчас очевидно, что планируемая маленькая война обернулась огромной мясорубкой.

Ивушка-то не велика была, может, лет десять-двенадцать, как здесь появилась. По меркам этого леса – пара минут. А ведь внедряясь в историю, можно понять, что уже много столетий назад, могла эту иву, пронзит оружейная пуля. А до того, рассечь холодный меч. Теперь ее уже ничего не потревожит. Где олени, носящиеся здесь со времен английских сказок. Где лисы? Где зайцы? Убиты все, а кто не убит – скоро умрёт.

Я отряхнулся, точнее размазал мокрую глину о штаны. Эти проклятые красные штаны. И вся Франция сейчас была этими штанами. Красное сукно проступало наружу, хоть они и были, как можно качественнее измазаны глиной. Как вам это понравится, немецкие снайперы, лежащие среди других ив. В глазах, в тесноте моргающих зрачковплыли виды вчерашней атаки: оврага, заваленного телами так, что по ним можно было идти. Вповалку валялись там и мы, и враги, и союзники, и их союзники. И не было в большем счёте между нами разницы. И вправду ад пуст, и в самом деле воздаётся за грехи. Только Бог тоже погиб в этом овраге.

Рядом пробежал в атаку офицер, а за ним устремились

солдаты. Его выделяли белые перчатки, конечно уже не белые, а грязно-глиняные. Я стряхнул с волос дёрн, вскочил и двинулся за ними.

Наша армия совсем не рассчитывала столкнуться с немцами здесь, в Арденнах. Мы даже не выставляли разведку, и вчера случайно вышли на ожидающие нас германские окопы. И я был там вчера, и сейчас опять иду туда. Нас совсем не учили окапываться или отступать. Только вперёд – как Наполеон. А лучше было бы ещё вчера отступить и укрепиться подле Крюна. А завтра, если не сегодня, нас оттеснят за это же Крюн и дальше. Некоторые, кто выжил после вчерашней атаки, ночью ушли в сторону Люксембурга. Но из-за отсутствия карт и разведки они скорее всего придут к позициям врага. Покамест командование не осознает бессмысленность этих, буквально штыковых атак: помирать нам и помирать в этих лесах.

...Ну я и сказал ему, что мол, в тех руинах и лежит винтовка эта, которую я якобы выронил при отступлении, – проговорил солдат напротив меня. – А он, дурак, взял и поверил, и ушёл в том направлении.

– Ты дурак, – вымолвил я. – Человека на наивности провёл.

– Да знаю я, самому вон тошно, делать-то чего теперь?

Солдаты вокруг молчали, никому не хотелось идти в неизвестность.

– Ладно... – протянул я, собирая общее внимание. – Опиши мне эти руины, или куда ты там вообще его заслал.

– Ну, это там, через холм – он махнул рукой в сторону леса. – Через него перемахнёшь и сразу на поляну выйдешь, а за ней справа болотинка будет, берёзами поросшая, а за ней дома разбитые... – объяснял он. – Вернее сказать дом, там хутор раскинулся, большой, наверное, был, токмо от него осталось меньше половины. Он к тебе лицом будет стоять, если правильно из леса выйдешь. Там левее маленькое кладбище, по нему и поймёшь, что дом тот нашёл.

Я молча кивнул, пронзая его взглядом, перекинул мешок через плечо и двинулся в сторону леса. Станный все-таки этот мужик: напуганный и чего-то недоговаривающий. Когда я проходил мимо крайних деревенских домов, кто-то окликнул меня сзади. Я обернулся и увидел солдата, который сначала отправил того бедолагу в неизвестные руины, а теперь и меня.

– Погоди едва, – начал он, переводя дух. – Дай, хоть перед тобой... Совесть чиста будет... А то ведь секунда – и помрём все.

– Ну говори, бежал же зачем-то.

– В общем, слушай, не ходи туда, место странное.

Я насупился и сделал лицо человека, который готов слушать любой бред, ведь весь этот бред связан с его жизнью..

– Дай, я тебе быстро распишу, что да как было. – Его голос переменился, и он начал говорить, как будто вспоминал

давнее прошлое, про которое вспоминать не хочется. – Паданёнка я туда не посылал, просто по глупости начал с ним толк о том, кто и как отступал, а потом он ушёл, ничего не сказав. Я ведь, правда, там винтовку увидел, только не свою конечно, это я так, ему добавил, иначе бы не поверил. А он ведь зелёный совсем и падок в подобное верить, вдобавок, он своё оружие где-то протерять умудрился, чудак. Я, когда отступал, забрёл в этот домик, и у окна к подоконнику была приставлена винтовка эта злосчастная. Через проём её увидел, ринулся к ней, запнулся и влетел лбом в косяк, – он сдвинул копну волос и показал свежую рану в знак доказательства.

Наверное, он подумал, что я совсем ему не верю и считаю его сумасшедшим, коих здесь в достатке хватает. Но, во-первых мне было безразлично, что так идти, что эдак, а во-вторых, глаза у него были ясными, не было в них мути безумства, которая бывает у по-настоящему больных. Поэтому я ему поверил: здесь война, всякое случается, придём – посмотрим.

– Но суть в том, что проснулся я, как ото сна, и во сне видел страшное. Что-то такое неопишемое, что как глаза открыл, так и побежал без оглядки, подгоняемый самим чёртом. Так и было.

– Ладно, я тебе верю, но всё равно пойду туда, – глухо проговорил я.

– Если уж и после такого решишься, то удачи тебе, Ф...

– он замялся, пытаюсь вспомнить моё имя, хотя он не мог его знать.

– Эрик, – подставил я.

– Хорошо, а я Макс.

Мы пожали руки. Они были у него почти такими же, как у меня. Грязными, резаными и уставшими, только у него ещё потными. Он сжал мою руку и сказал: «Удачи Эрик».

В лесу, поднявшись на холм, я оглянулся. Сквозь деревья были видны дома: бельгийские, французские и даже немецкие. На этой смежной земле почти не было определённого национального стиля. Да и не важен он был. Особенно для обыкновенных обывателей, фермеров или лесорубов, каменщиков или скотоводов. Для тех людей, которые живут где-то в глуши и в отдалении от столиц, в лесах и горах. Для тех, кто словом «граница» обозначает конец своего участка или своей деревушки. Они жили здесь ещё до разделения земель линиями, обозначающими разные государства. Жили долго и больше жить не будут. Деревушка успела пару раз перескочить из одних кровавых рук в другие, такие же кровавые. Одна армия забирала её у другой, а потом следующая делала точно также, когда предыдущая ослабевала.

Сквозь берёзы светило солнце. Оно единственное наблюдало за всем в гордом безразличии, даже Швейцария была более сострадательна. Я развернулся и направился в чащу, дабы успеть вернуться засветло.

Стоя в березняке, в болоте, я увидел этот дом. Подойдя

ближе, я убедился, что Макс говорил правду. Он очень точно описал дом. Точнее, остатки от дома. Крыши не было, стены первого этажа едва доставали до моего роста. О втором этаже и чердаке не шло и речи, все было разворочено снарядами. Дом был типичным для нашего времени. Станным выглядело только кладбище. Если дом был изодран и изломан, то кладбище было словно из другого мира. Каменный заборчик, обелиски, кресты – всё цело. Лишь пару отломанных досок виднелись у некоторых надгробий, которых словом было немного – меньше десяти. Даже вьюн, похожий на американскую пассифлору, казался свежим и обновлённым.

Я вошёл в дверной проём, миновал печь и увидел человека, сидящего у противоположного оконного проёма. В руках он держал винтовку. Его голова с красной фуражкой была наклонена вниз. Он был однозначно мёртв.

Это был тот самый безымянный солдат. Тот мальчишка, который поверил в сказания Макса. Что есть жизнь одного солдата на войне? Что есть жизнь неопытного и только пришедшего на фронт человека? Ничего... абсолютное ничего. Бесконечное количество таких невинных и безымянных душ покинули свои тела на этой войне. Что с того, что Макс наплёл ему эту белиберду? Какая разница? Разве Макс до этого мало людей убил?

Разница лишь в ценностях, отчасти созданных пропагандой: «Они – враги, их – убить! Эти – друзья, их – любить». И будешь героем за то, что убил сотню «врагов». А ведь ты

убил таких же, как и ты. Ничем не отличающихся, по сути идентичных. И нет разницы между мной и этим пацаном, Максом или любым другим человеком, у которого в графе местожительства записана Австрия.

Я посмотрел на парня: только дьяволу да солнцу известно о причинах его смерти. Он сидел спиной к оконному проёму на голом и сломанном полу. Между ног он упёр винтовку; мёртвым лбом он упирался в неё, а она упиралась в него. Для парнишки, винтовка – это праздник. Точнее был праздник, когда он её нашёл. Ведь парень расслабился, может, даже задремал. И может быть во сне, какой-нибудь тромб у него разорвался, обеспечив ему, тихий уход... а может он сам убился, условным цианидом. Теперь уже не узнаешь, да и нет нужны в этом знании.

Солнце светило в обломанную оконную раму, а когда-то оно так просвечивало сквозь оконное стекло и заливало комнату оранжевым светом. Когда-то солнце... Солнце...

Я вспомнил дом. Вспомнил тёплые каштаны и Эйфелеву башню в лучах такого же солнца. Всё это я видел через другое окно. Я вспомнил шторы, кровать, одеяло... Из глаз побежали слёзы. Упав на колени, я ударил лбом подоконник. Я вспомнил лицо, вспомнил волосы и глаза, вспомнил дыхание и голос. Запах горячего тела и запах сладкого парфюма. Её парфюма... я вспомнил её.

Ещё раз, ударив головой подоконник, я отклонился назад и вырвал винтовку из рук мертвеца, слезы опять брызнули из

глаз. Я сжимал холодное цевьё так, что руки мои побелели. Как же я хочу выжить. Как же я хочу не умереть. Как же я хочу снова почувствовать её рядом.

Сводка.

Солдат Французской империи Эрик Моро умер 24 сентября 1970 года в своём имении в Провансе.

Мирный договор с Германией был подписан 28 июня 1919 года в Версале. В этот день официально окончилась Первая Мировая Война.